

ГЛАВА 5. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Ань Но чувствовал себя так, будто стоит на бескрайнем поле, усеянном острыми ножами. Куда ни шагни — повсюду вонзаются лезвия. Он понимал, что поступил опрометчиво, вызвав подозрение у Чжэн Жуя, и теперь лихорадочно перебирал в голове варианты, стараясь спасти положение.

— Я подумал... Брат Хань ценит тебя больше всех, — ложь давалась трудно только вначале, дальше слова полились сами собой. — Если ты решишь уехать... например, за границу, может, он... может, последует за тобой? — Немного помолчав, Ань Но добавил: — Я могу помочь. Ты уезжай первым, а я найду брата Ханя и поговорю с ним.

Взгляд Чжэн Жуя смягчился.

— Если бы это работало, зачем бы я годами гнил здесь?

Глядя на поникшего Чжэн Жуя, Ань Но мысленно выругался. Каким идиотом нужно было быть, чтобы решиться на такую проверку! Еще полгода назад он понял, что Чжэн Жуй — безнадежный однолюб, который никогда не оставит Хань Цзыфэя. Даже если впереди их ждет преисподняя, он прыгнет в нее следом, не раздумывая. И вот результат: если он заподозрит неладное, вся предыдущая работа пойдет прахом. Более того, если его раскроют, он сгинет так, что никто и не узнает.

Ань Но осознал: этот вечер стал полным провалом. Мало того что его избили до полусмерти, так он еще чуть не доигрался, едва не растеряв остатки жизни уже здесь, в «Пылающем искушении». Ситуация с Хань Цзыфэем и Чжэн Жуем — мертвая петля, в которую лучше не соваться.

Чжэн Жуй запрокинул голову, глядя в потолок и силой подавляя подступившие слезы.

— Иногда я его ненавижу, — выдавил он сквозь зубы. — Десять тысяч раз давал себе зарок бросить его, но... не могу.

Он опустил голову, и слова начали выталкиваться из горла по одному, с трудом:

— Пойми, я ведь могу просто взять и уйти. Но стоит Цзыфэю мне улыбнуться, и всё — я не в силах шевельнуться. Ань Но, я ведь просто жалок. Рано или поздно я подохну от его руки и сделаю это с радостью.

Ань Но вдруг стало не по себе. Перед ним стоял изящный, красивый мужчина — спокойный и преданный. Выходец из нищих трущоб, рано потерявший родителей, он не получил никакого образования, кроме обязательной девятилетки. Все его детство и юность прошли рядом с единственным другом, Хань Цзыфэем, — вдвоем они сполна испили чашу человеческого горя.

Но именно он, Чжэн Жуй, упрямо тащил того за собой, выбираясь из трущоб сначала в уездный городок, а затем и в этот мегаполис. Он прошел путь от простого каменщика до владельца элитного бара. Каждый его грош был заработан честно, каждый шаг — открыт и уверен.

У него был лишь один изъян — любовь к человеку по имени Хань Цзыфэй.

Ань Но вспомнил, как впервые увидел их поцелуй. В тот день он закончил смену и вспомнил, что босс велел заказать партию водки. Подойдя к кабинету управляющего, он заметил, что дверь приоткрыта. В щели было видно, как рослый, жесткий Хань Цзыфэй прижал Чжэн Жуя к широкому письменному столу. Он навис над ним, впиваясь в шею жадными поцелуями. На лице Чжэн Жуя застыло выражение какого-то отрешенного восторга, в уголках глаз блестели слезы, а на губах играла улыбка высшего блаженства. Он судорожно обхватил того за шею, словно тот был величайшим сокровищем в его жизни. Белая рубашка Чжэн Жуя была распахнута, рукава распластались по столу, словно чистые крылья.

«Падший ангел», — подумал тогда Ань Но.

С того самого момента он только и грезил о том, чтобы вытащить Чжэн Жуя из этого водоворота. Ань Но понимал лучше кого бы то ни было: если всё оставить как есть, Чжэн Жуй неизбежно канет в бездну. Он знал, что из себя представляет Хань Цзыфэй, и отчетливо видел их финал — финал, которого он не хотел допустить.

Ань Но наблюдал, как в глазах Чжэн Жуя гаснут последние искры, оставляя лишь пустоту зрачков. Когда буря эмоций улеглась, перед ним снова предстал прежний босс — элегантный и отстраненный.

— Ань-цзы, возвращайся домой и отдохни как следует. Я сам со всем разберусь. За столько лет мне не привыкать.

— Но я еще не ходил к брату Ханю...

— Не нужно. Я сам пойду и скажу, что разгрести это дерьмо придется ему.

— В таком случае, — Ань Но выдавил слабую улыбку, — завтра я возьму отгул, буду спать весь день.

Чжэн Жуй похлопал его по плечу:

— Пусть Сяо Сяо отвезет тебя.

Сяо И уже переоделся и стоял в конце коридора, поигрывая ключами от машины. Увидев, как Ань Но медленно выходит из кабинета, он поспешил навстречу и подхватил его под руку.

Сяо И был парнем простым, но далеко не глупым. Он смутно догадывался, что дела Хань Цзыфэя, частого гостя «Пылающего искушения», пахнут нехорошо. Знал он и о связи босса с Хань Цзыфэем, и даже примерно представлял, откуда у Ань Но взялись эти раны. Но вопросов никогда не задавал. Это было не его дело, да и лезть в это ему совсем не хотелось.

Покачивая ключами, Сяо И спросил:

— Убей, не пойму, почему ты до сих пор не купил себе машину.

Ань Но поморщился, на мгновение запнувшись. Он расчетливо прищурился.

— Мне нравятся мотоциклы! Обожаю это чувство свободы, — он картинно развел руками, изображая преувеличенный восторг. — Скорость, ветер, дерзкая юность! Мы же мужики, Сяо Сяо, а мужчина всегда ищет острых ощущений. Драйв, понимаешь? Тебе ли не знать!

— Да иди ты! — Сяо И рассмеялся и замахнулся, чтобы в шутку ударить друга, но, посмотрев на израненное, перебинтованное тело, так и не нашел живого места. В итоге он лишь слегка хлопнул его по пояснице.

Ань Но вздрогнул и ехидно пропел:

— Полегче, там у меня эрогенная зона!

— Да пошел ты, придурок! — выругался Сяо И со смехом. — Если бы ты реально любил скорость, не ездил бы на своем корыте Zongshen ZS125-50S. С твоей зарплатой уже давно можно было пересесть на Yamaha!

— Что ты понимаешь! Для меня главное — душа машины. Двигатель Zongshen, цепь... — Ань Но осекся и свысока посмотрел на приятеля. — И зачем я только пытаюсь объяснить преимущества мотора BMW человеку, который не может отличить «Инфинити» от «Чери»?

Рослому Ань Но было крайне неудобно в тесном салоне малолитражки Сяо И. Он прикрыл глаза и пробормотал:

— Я посплю немного. Разбудишь, как приедем.

Разумеется, спать он не собирался. Он понимал: мотоцикл действительно пора менять. Если даже Сяо И, не разбирающийся в эмблемах, с легкостью называет модель, значит, байк стал слишком узнаваемым. А это плохой знак.

Мысли путались, Ань Но раздраженно думал о том, что всё идет наперекосяк, а он по-прежнему страдал от нестерпимой боли.

Резкое торможение в привычном стиле Сяо И заставило его открыть глаза.

— Сяо И, у тебя личные счета с педалью тормоза? — проворчал Ань Но. — Поднимешься ко мне?

— Я что, на идиота похож? Зайду — и что дальше? Буду тебя, старика, в кровать укладывать? Ну уж нет! — Сяо И со смехом подтолкнул его к выходу. — Давай, выметайся, мне еще домой ехать.

Ань Но выбрался из машины и помахал рукой. Сяо И опустил стекло и высунул голову:

— Эй, Ань-цзы, серьезно — может, подсобить? По лестнице дойти?

— Что, всё-таки решился мне прислужить?

— Свали уже!

Махнув на прощание, Ань Но проводил машину взглядом и медленно шагнул в темный зев подъезда.

Он вошел в квартиру, двигаясь осторожно, словно боясь расплескать тишину. Свет включать не стал — просто стоял в темноте, прислушиваясь к собственному дыханию. Лишь спустя полминуты он зажег лампу в гостиной.

Ань Но снимал небольшую двухкомнатную квартиру. Прежние хозяева, пожилая пара, в спешке улетели в Америку к дочери и новорожденной внучке. Ань Но подвернулся удачный момент, и он арендовал жилье за бесценок сразу на два года. На самом деле он не знал, сколько еще пробудет в этом городе, и уж тем более не догадывался, при каких обстоятельствах его покинет.

Кое-как умывшись, он рухнул на кровать. Едва чувство опасности отступило, навалилась дикая, пульсирующая боль. Ань Но выставил кондиционер на нужную температуру и принялся осторожно устраиваться, пытаясь найти положение, в котором он страдал бы меньше. Ему нужен был сон — долгий, глубокий сон, чтобы унять боль и восстановить силы.

Бай Ичэню тоже нужен был сон, но у него не было кондиционера. В душном мареве этого предрабачного часа полноценный отдых ему не светил. Он уже в третий раз поднялся с мокрой от пота постели и побрел в ванную, где опрокинул на себя целый таз ледяной воды. Он ловил ртом воздух, пытаясь найти хоть каплю кислорода в этой камерке, ставшей похожей на сауну. Усталость была запредельной; после целого дня работы мышцы ныли так, что он едва держался на ногах. Если бы он мог просто упасть в обморок, это стало бы избавлением — так

он хотя бы заснул бы.

Бай Ичэнь, словно загнанный зверь, мерил шагами комнату. Так продолжаться не могло. Летом здесь стояла невыносимая жара, зимой — пронизывающий холод. Он был готов терпеть лишения, но никто не в силах выдержать хроническую бессонницу. Изнурительный физический труд требовал восстановления, а эта двадцатиметровая каморка в подвале безжалостно лишала его этой возможности. Город жил в ритме субтропических муссонов, и Бай Ичэнь понимал: даже если он дотянет до конца лета, сырую и ледяную зиму ему здесь не пережить.

«Нужно жилье с кондиционером», — лихорадочно соображал он. Условия в подвале были паршивыми, зато расположение — идеальным: до работы рукой подать, а аренда обходилась всего в тысячу триста юаней. Если искать что-то в этом же районе, но с душем и кондиционером, цена взлетит до небес. Если переезжать на окраину, придется бросить одну из подработок. Ни тот, ни другой вариант его не устраивал. Ему нужно было за год скопить огромную сумму — от этого зависела вся его дальнейшая жизнь.

Деньги. Бай Ичэнь ненавидел это слово.

«Надо менять работу», — твердил он себе. Сейчас он днем таскал ящики в частном магазинчике, а по вечерам драил тарелки в забегаловке. На этом быстро капитал не сколотишь.

«Времени в обрез, всего год. Мне нужно отложить сорок тысяч юаней. Кровь из носу».

Бай Ичэнь сел на пол, обхватив руками колени и уткнувшись в них лбом. В голове всплыло название — «Пылающее искушение». Работа в баре определенно приносила больше, чем мытье посуды, а главное — там были чаевые. Если стиснуть зубы и терпеть, можно заработать прилично. Тогда всё наладится.

Но сможет ли он? Терпеть, когда на тебя смотрят как на вещь, как на дешевую шлюху? Терпеть чужие прикосновения, липкие руки, а может, и поцелуи? Вонючие, пропитанные перегаром и табаком рты, тянущие слюну по лицу, по губам...

Бай Ичэнь боялся даже думать об этом. Его передернуло от отвращения. В памяти всплыли обрывки грязных слухов, невообразимые картины унижения. Он бессильно повалился на пол прямо в лужу воды, раскинув руки, и замер, охваченный отчаянием.

Неделю спустя раны Ань Но начали затягиваться. Он каждый день заглядывал в «Пылающее искушение», хотя работы ему пока не давали. Обычно он просто зависал у стойки, потягивая ледяной лимонад из большого стакана. Линь-цзы по привычке всё так же старательно протирал столешницу. Ань Но постукивал пальцами по дереву:

— Эй, Линь-цзы, завязывай, а то дыру протрешь.

Тот мазнул по нему взглядом из-под длинной челки. Зрачки бармена были слегка расширены, взгляд казался остекленевшим. Он промолчал и продолжил свое занятие. Ань Но от нечего делать потянулся, глубоко вдыхая воздух.

Внезапно он замер. Тело застыло в нелепой позе с вытянутыми руками, а он распахнул заспанные глаза, и в них блеснула острая сталь — он уловил едва заметный горько-кислый запах. Спустя мгновение Ань Но обмяк, словно у него выдернули хребет, и лениво протянул:

— Линь-цзы, выпей со мной. Скука смертная.

Линь-цзы молча достал бокал, плеснул в него виски, а затем взял другой стакан и наполнил его водой. Слегка чокнувшись краем стакана с водой о бокал гостя, он тихо произнес:

— Мне еще заказы принимать. Составлю тебе компанию водой.

Ань Но махом осушил виски, и на его губах заиграла странная, нечитаемая улыбка.

Зайдя в кабинет к Чжэн Жую, Ань Но услышал:

— Насчет того случая, когда тебя помяли... Я говорил с Цзыфэем.

— И что? — Ань Но не понимал, к чему клонит босс, поэтому ответил уклончиво.

— Цзыфэй сказал, что у него старые терки со стариной Мэном с улицы Фуань. Поэтому он попросил тебя сорвать им сделку. После этого одну из точек Мэна прикрыла полиция. Вот только мне интересно... Я твой босс, почему я об этом ничего не знал? И когда это вы с Цзыфэем стали такими корешами?

Ань Но понял: шутки кончились. Чжэн Жуй не ревновал — он подозревал, что Ань Но влез в темные дела Хань Цзыфэя за его спиной. Ань Но принял серьезный вид:

— Да не такие уж мы и друзья. Просто как-то раз, когда брат Хань заходил к тебе, к нему прицепился какой-то пьянчуга. Ну, я и выставил его вон. Брат Хань оценил, что я умею махать кулаками и при этом не создавать лишнего шума, вот мы пару раз и перекинулись словечком.

Ань Но внимательно следил за лицом Чжэн Жуя, стараясь угадать мысли за его холодным взглядом, и осторожно продолжил:

— В этот раз ему позарез нужен был человек, чтобы отбить точку. Я лицо новое, люди Мэн

Гуанъи меня в глаза не видели, вот брат Хань и попросил помочь. Я подумал — если заберем ту точку, и у тебя, Чжэн-гэ, дела в гору пойдут. Дело вроде не пыльное было, я и согласился. Кто ж знал, что на обратном пути меня подкараулят и так разделают. Вот ты и узнал.

История звучала складно и логично. Чжэн Жуй медленно кивнул:

— Ань-цзы, ты работаешь в «Пылающем искушении» меньше года, но ты единственный, кто знает о нас с Цзыфэем. И единственный, кто понимает, чем он занимается на самом деле.

Чжэн Жуй говорил неспешно, тщательно подбирая слова, и в его голосе проступили ледяные нотки предупреждения:

— Я знаю, что Цзыфэй давно хотел тебя прибрать к рукам. Ты помог ему в первый раз — пусть он станет последним. Ты должен уяснить: это была его личная просьба, о которой я не знал. Знай я — я бы не позволил. Ты меня понимаешь?

<http://bllate.org/book/18167/1746690>